

RU

Парадигма американского общества в романе Б. Лернера «Школа Топика»

Болотова О. Б.

Аннотация. Цель исследования - выявить в романе современного американского писателя Бена Лернера «Школа Топика» эпизоды или отдельные детали нарратива, которые могли бы подтвердить наличие компонентов парадигмы американского общества, подаваемых в исследованиях историков, политиков и американистов. Научная новизна исследования заключается в том, что анализу подверглось одно из немногих художественных произведений, где представлена аутентичная оценка образа Америки глазами самих американцев, которая дополняет труды ученых и способствует формированию более четкой критической картины мироустройства. В результате в романе была выявлена большая часть устоявшихся стереотипов о современном американском обществе.

EN

American Society Paradigm in B. Lerner's Novel "The Topeka School"

Bolotova O. B.

Abstract. The research aims to identify episodes or individual details of the narrative in the novel "The Topeka School" by the modern American writer Ben Lerner that could confirm the presence of components of the American society paradigm noted in the studies of historians, politicians and Americanists. Scientific originality of the research lies in the fact that it analyses one of the few literary works presenting an authentic assessment of America's image through the eyes of Americans themselves, which complements academic works and contributes to the formation of a clearer critical view of the world order. As a result, the researcher has identified most of the established stereotypes about modern American society in the novel.

Введение

Актуальность исследования. Парадигма как понятие представляет собой совокупность принципов, взглядов и убеждений, формирующих одну систему. Термин берет начало от греческого «модель, образец» и применяется в разных науках – математике, лингвистике, философии, психологии, социологии, политологии и др. – для описания совокупных понятий, формирующих научный, мировоззренческий или иной человеческий опыт.

Основоположителем использования термина «парадигма» считается американский историк и философ Томас Кун (2003, с. 34), который часто употреблял этот термин в своих работах. Т. Кун также отмечал, что все парадигмы противоречивы независимо от этапа развития мира. В последнее время частотность употребления термина значительно выросла, особенно в психологии, социологии и политологии, так как понятие парадигмы помогает описывать и проводить сравнительный анализ различных изучаемых явлений, трендов, поведенческих моделей общества и целых государств.

Парадигма в разных сферах науки и социальной жизни предполагает некую гибкость и эволюцию, ибо смена одной парадигмы приводит к появлению новой, в результате чего предыдущая парадигма становится скорректированной, усовершенствованной или, напротив, полностью теряет свою валидность.

В этом отношении наряду с термином «парадигма» зачастую используется термин «сдвиг парадигмы» (Кун, 2003, с. 62) – процесс перехода от старой парадигмы научного мировоззрения к новой в связи с назревшим конфликтом в рамках уже имеющегося шаблона.

Говоря о парадигме общества, можно вести речь как о системе ценностей, взглядов и убеждений человечества в целом, так и о социуме отдельных стран/культур/сообществ. Кроме того, более широкую парадигму отдельного общества или страны можно дробить на отдельные, узкие ее виды: культурная, социальная, гендерная, семейная, экономическая парадигмы, парадигма внешней политики и ряд других.

Литература как одна из форм отражения накопленного человеческого опыта позволяет в той или иной мере сформировать понятие о парадигме социума, описываемого автором в произведении, даже если он не ставит

перед собой такой задачи. Следование принятым и устоявшимся в обществе поведенческим шаблонам либо неприятие и противостояние им находят отражение в поступках и образе жизни литературных персонажей.

При написании данной статьи были поставлены следующие задачи:

1) проанализировать устоявшуюся парадигму американского общества, представленную в исследованиях историков, политиков, американистов и других филологов;

2) выделить компоненты парадигмы американского общества в романе Б. Лернера «Школа Топика» и степень их представленности в произведении;

3) сравнить общепринятую парадигму американского общества с тем, как она представлена в романе.

При проведении исследования применены следующие методы: герменевтический метод, метод целостного анализа художественного произведения, метод сопоставительного и контекстного анализа.

Теоретическую базу исследования составили труды, посвященные изучению парадигмы американского общества: Г. Н. Емельянова (2013), Е. В. Крючковой (2011), А. И. Петречука (2017), Р. Н. Спото (2016), О. А. Хлопова (2020).

Практическая значимость исследования заключается в том, что данный материал может быть использован в высшем образовании в курсах страноведения и домашнего чтения.

Основная часть

Говоря о парадигме американского общества в целом, без привязки к какому-либо конкретному художественному произведению или даже не ограничиваясь строго временным отрезком, можно выделить ее основную доктрину – американская исключительность и величие (American exceptionalism), согласно которой Соединённые Штаты отличаются от других стран с точки зрения своего национального духа, политического устройства и религиозного института. С течением времени и со сменой американских президентов меняется интерпретация этой концепции и степень ее принятия.

Не все историки и политологи США поддерживают данную концепцию. Так, американский историк Майкл Зукерман (1996, с. 19-40) полагает, что понятие американской исключительности – неоднозначное и противоречивое. В большинстве случаев это понятие интерпретируется как отличие от других народов и непременно в лучшую сторону.

Член Королевского исторического общества Дипак Трипати выступил по этому вопросу в более резком ключе, заявив, что американская идеология исключительности и величия скорее похожа на шовинизм, чем на патриотизм (Емельянов, 2013).

Многие историки считают, что идея американской исключительности есть не что иное, как просто национальный менталитет, особенность, но никак не исключительность. Однако многие годы правительство США успешно внедряет эту идеологию в народные массы. Из понятия американской исключительности автоматически клишируются такие лозунговые тезисы американских политиков, как свобода, демократия, права человека, республиканизм, гражданские свободы, либерализм, всеобщее благо, справедливость, верховенство закона, частная собственность и т.д. Но на фоне этих благ еще более отчетливо выступают такие проблемы американского общества, как расизм, сексизм, двойные стандарты, популизм правящей элиты и др.

В наши дни мы формируем совокупную картину жизни, культуры и устройства того или иного общества из наиболее популярных и медийных источников, таких как Интернет, реклама, киноиндустрия. В данном исследовании мы рассмотрим, как вырисовывается парадигма американского общества последних 50-70 лет в художественной литературе, а именно в романе американского писателя Б. Лернера «Школа Топика». Книга вышла в 2019 году, вскоре после чего автор был удостоен Пулитцеровской премии в области художественной литературы. Роман во многом автобиографичен. Кроме того, формирование личности писателя приходилось на описываемый в книге период, поэтому читатель может рассчитывать на определенную достоверность и объективность повествования той его части, которая носит нехудожественный характер. Роман не переведен на русский язык, но очевидно, что у русского читателя он получил бы меньший отклик, так как Америка, описанная в малособытийной канве романа, едва ли может быть настолько близко и порой болезненно воспринята русским человеком. В американских читательских кругах книга получила многочисленные, хоть и неоднозначные отзывы.

Роман представляет собой смешение художественного жанра, автобиографического опыта, а местами даже потока сознания и самоанализа с повторяющимися «флэшбэками», что находит отражение в его многомерной композиционной структуре. Читателю порой может показаться, что весь роман представляет собой сложный нарративный пазл с постоянным переключением персонажей, лица, от которого ведется повествование, и временного континуума.

Описываемые в романе события охватывают период с 50-х годов XX века до 2019 года. На поверхностном уровне повествование являет собой описание жизни семьи Гордон и их отношений. На более глубоких и латентных уровнях повествования прослеживаются актуальные темы и проблемы американского общества обозначенного выше периода: проблемы расизма, сексизма, насилия, популизма правящих кругов.

Образ американского общества читатель складывает из упомянутых американских реалий и из разбросанных по роману воспоминаний героев. В одном из наших исследований мы подробно анализировали, как аллюзии и реалии американской жизни помогают автору передать читателю ее особенности, а также психологизм отношений персонажей (Болотова, 2021, с. 38-42). Необходимо отметить, что при чтении данного

романа читателю потребуется владение определенными навыками герменевтической интерпретации повествования для корректного понимания выстроенной картины Америки.

В данном исследовании мы выделим основные компоненты, составляющие парадигму американского общества, которые можно проследить в романе Б. Лернера.

Как было упомянуто ранее, роман повествуется не от лица автора и не от лица конкретного персонажа. Нарратив ведется со сдвигом временных линий и сменой героя-рассказчика. Таким образом, автор вкладывает свои суждения об устройстве американского общества в уста или мысли разных персонажей либо подает их косвенно через ряд деталей повествования.

В книге нет явного главного героя, скорее, в качестве ядра романа выступает вся семья Гордон – Джейн и Джонатан – практикующие психоаналитики в одном из учреждений штата Канзас – и их сын Адам – ученик старшей школы Топика того же штата. О детстве, карьере, эволюции взаимоотношений персонажей мы узнаем из довольно ломаного с точки зрения хронологии повествования, которое похоже на некоторый пазл, где пустоты заполняются по мере чтения.

Так, в воспоминаниях Джонатана Гордона, сына дипломата низкого ранга, о жизни семьи в Тайване в 50-х годах довольно четко прослеживается и впоследствии пронизывает весь роман идея о величии и исключительности США: “We were representatives of the most powerful country on earth, the power was in our every cell, look at how the «natives» bowed, their gratitude for our supposedly civilizing force, the future was ours. <...> America was one vast institution: it had no outside” (Lerner, 2019, с. 161-162). / *Мы были представителями самой мощной страны на земле, сила была в каждой нашей клетке; видели бы вы, как кланялись нам «местные», как признательны были за нашу общепризнанную цивилизованную силу, будущее было за нами. <...> Америка была одной организацией: у нее не было границ* (здесь и далее перевод автора статьи. – О. Б.). Но, несмотря на эту гордость за страну, Джонатан тут же выражает свою национальную осознанность: “But we were also Jewish... and the ovens had been active only fifteen years before. Later I’d map the distant losses in a genogram” (Lerner, 2019, с. 161). / *Но мы были евреями... и печи были в работе всего 15 лет назад. Позже в семейной генограмме я пометил потери по линии дальних родственников.*

Не менее важен и следующий комментарий героя о его детстве в Тайване: “And we were less than a thousand miles from Hiroshima, even closer to Nagasaki. (Circling JFK I imagined our plane had a bomb bay, that we were waiting for the right moment to let our payload fall.) I never heard mention of the camps or of the bombs – not in the American houses, not in Taipei International School. The collective effort of repression was tremendous, made the alcohol indispensable. An intense but contentless optimism about the future was the only protection against the recent past, in which all the regimes of value had collapsed, irradiated or gassed” (Lerner, 2019, с. 161-162). / *А еще мы были менее чем в тысячи миль от Хиросимы и еще ближе к Нагасаки. (Кружа над аэропортом Кеннеди, я представлял бомбовый отсек в нашем самолете, который сбросит все свое содержимое в нужный момент.) Я ни разу не слышал разговоры о лагерях или бомбах ни в американских домах, ни в международной школе Тайбея. Попытки общества подавить эти разговоры были колоссальными, не помогал даже алкоголь. Упорный, но бессмысленный оптимизм касательно будущего был единственной защитой против недавнего прошлого, в котором весь строй ценностей потерпел крах, подвергся облучению или был замучен в газовой камере.*

Исходя из красноречивых и недвусмысленных цитат, приведенных выше, можно заключить, что годами пропагандируемая государством в массы идея о величии США имеет отрицательный заряд, ибо величие это выстроено на игнорировании грехов прошлого либо их полным непризнанием.

Говоря об образе Америки в романе в целом, можно сказать, что Б. Лернер позиционирует её как незрелого подростка и, что немаловажно, белого подростка из среднего класса, а само молодое поколение он не раз называет словом “man-children” (мужчины-инфантилы) или приводит аллюзию на известного литературного героя Питера Пена (мальчика, который не хотел взрослеть. – О. Б.).

Детальный образ американского подростка подается в романе глазами 70-летнего психоаналитика Клауса, чья семья погибла в Освенциме: “...on the one hand, Klaus... could not take these kids – with their refrigerators full of food, their air-conditioning and television, their freedom from stigma or state violence – seriously; <...> they did not know what suffering was, that if they suffered from anything it was precisely this lack of suffering. <...> And then, on the other hand, Klaus took them very seriously indeed; they are told constantly... that they are individuals, rugged even, but in fact they are emptied out, isolate, mass men without a mass, although they’re not men, obviously, but boys, perpetual boys, Peter Pans, man-children, since America is adolescence without end, boys without religion on the one hand or a charismatic leader on the other; <...> they are libidinally driven to mass surrender without anything to surrender to; they don’t even believe in money or in science, or those beliefs are insufficient; <...> These kids... just need a good whipping and some physical labor; these kids... are undergoing a profound archaic regression. Boys will be boys... and spoiled boys will be spoiled boys...” (Lerner, 2019, с. 62-63). / *...с одной стороны, Клаус не воспринимал этих детей серьезно – детей, у которых всегда полный холодильник, есть телевизор и кондиционер, и которые не несли на себе клеймо позора или насилия государства; <...> они не знали, что такое страдания, а если и страдали от чего-нибудь, так это от недостатка страданий. <...> А с другой стороны, Клаус воспринимал их очень серьезно; им постоянно твердят, что они индивидуумы, и такие конкретные, а на деле они пустые, одинокие, представители массового человека без массы, хотя ясно, что при этом они даже не мужчины, а мальчики, вечные мальчики, эдакие Питеры Пэны, ибо Америка – это бесконечная юность, они – мальчики без веры, с одной стороны, и без харизматичного лидера, с другой; <...> их либидо ведет их массово сдаваться, хотя сдаваться нечему; они даже не верят ни в деньги, ни в науку, либо этой веры у них недостаточно; <...> Этим детей надо хорошенько*

выпороть или заставить заниматься физическим трудом; эти дети находятся в стадии глубоко архаичного регресса. Мальчишки есть мальчишки... а избалованные мальчишки всегда будут избалованными мальчишками.

Эти «вердикты» американскому мужчине – “man-child”, “Peter Pan”, “Boys will be boys” – являются элементами реитерации и выносятся автором неоднократно в романе при описании различных ситуаций, более того, идиома “Boys will be boys” саркастически оправдывает жестокость и насилие подростков и мужчин (Lerner, 2019, с. 62-63, 121, 162, 268).

Тема жестокости и насилия в романе является еще одним маркером современного американского общества. Автор употребляет такой термин, как “toxic masculinity” (токсичная маскулинность), который изначально использовался на Западе в психологии и гендерных исследованиях для описания норм мужского поведения, причиняющего вред обществу. В свете современных мировых событий термин можно встретить в сфере внешней политики, где он употребляется для вынесения субъективной оценки действиям политических лидеров. Теме токсичной маскулинности в целом и в американской культуре в частности, а также различным ее проявлениям и трансформациям посвящены исследования М. К. Ходкевич (2019), А. Д. Грачевой (2020), М. Ф. Сиразетдиновой (2021), В. М. Халилова (2019) и др.

Само словосочетание употребляется автором в книге несколько раз в различных эпизодах повествования и, таким образом, помогает читателю понять, что именно в поведении подростков или мужчин определяется как токсичное. Так, Джейн Гордон, написавшая книгу для женщин по психологии взаимоотношений, преследуется «телефонными маньяками», которые угрожают ей по телефону или подходят к ней в магазине с оскорблениями. В романе они называются “the Men” (те самые мужчины), и их токсичная маскулинность порождает страх в ее тогда еще маленьком сыне Адаме Гордоне: “And then there were these men calling over the invisible wires. <...> it was clear that you were picking up on all the toxic masculinity swirling around. Dad also wondered if you felt he couldn't protect the family, if you were starting to contrast Dad's gentleness with the Marlboro Man culture around us” (Lerner, 2019, с. 94). / *А тут еще все эти мужчины со своими звонками по невидимым проводам. <...> понятно, что ты уже начал понимать, что вокруг нас витала токсичная маскулинность. Папа все думал, чувствовал ли ты, что он не мог защитить нашу семью, думал, что ты сопоставлял его мягкость с культурой, навязанной образом ковбоя Мальборо.* Приведенный в этом монологе Джейн образ ковбоя Мальборо использовался в рекламе сигарет и позиционировался как образ брутального мачо, которому несвойственна мягкость и благодаря которому американские подростки начинали курить, чтобы выразить свою независимость от родителей или даже протест.

Другой эпизод, в котором описывается жестокость, рассказывает о том, как во время жизни Джонатана Гордона в Тайване один из американских подростков не только постоянно подбивал другого на драку, но и вручил ему винтовку, чтобы тот расстрелял коров тайваньского фермера: “Toomey... instructed the man-child to shoot almost every scrawny cow in a local farmer's herd. I saw some of it before I fled, tears in my eyes, wimp that I was; a pop... and then a cow would take a knee, lie down, eerily calm, while Toomey kept barking instructions at Russell like a commanding officer. (Each dying cow spoke with his eyes, two big brown eyes. His silent gaze expressed dignity, resignation, sadness, and with regard to the visitor – the American – a lofty and solemn contempt.)” (Lerner, 2019, с. 122). / *Туми... велел мужчине-ребенку пострелять всех тощих коров из стада какого-нибудь местного фермера. Я успел немного увидеть, прежде чем убежал со слезами на глазах, как девчонка; выстрел... и еще одна корова упала на колени, легла со зловецким спокойствием, пока Туми продолжал выкрикивать указания Расселу как командир. (Каждая умирающая корова говорила глазами, большими карими глазами. Ее безмолвный взгляд выражал достоинство, смирение, печаль, а по отношению к гостю – американцу – величественное и гордое презрение.)*

Как мы видим, в приведенном выше отрывке ключевыми словами, описывающими виновников жестокости, снова выступают слово “man-child”, а также “American”. Далее рассказывается, как тайваньский фермер убитых коров пришел в школу, где учились эти американские подростки, но он просил не компенсации, а хотя бы извинений, на что подростки начали пародировать его жесты и издеваться над ним на псевдокитайском. Джонатан резюмирует: “Half of what came out of American adolescent mouths was that racist travesty of speech” (Lerner, 2019, с. 122). / *Половина того, что вырывалось из юношеских ртов Америки, было таким вот расистским издевательством над речью.* Кроме того, если случалась потасовка между американскими и тайваньскими подростками, последние смиренно принимали тумачи: “Nobody was going to hit a white kid” (Lerner, 2019, с. 122). / *Никто не осмеливался ударить белого ребенка.* Таким образом, мы видим, что в тему жестокости здесь вплетается и тема расизма.

Пожалуй, самым красноречивым эпизодом в плане проявления токсичной маскулинности является описание драки подростков на вечеринке: “At some difficult-to-determine point, among middle-class white boys in the Middle West, fights, instead of ending when a combatant hit the ground, took on new life there, the «boys will be boys» chivalry of boxing giving way to the archaic regression of overkill... every opponent must be spread; every offense, however minor, leads to holocaust” (Lerner, 2019, с. 121). / *В какой-то неопределенный момент драки белых подростков из среднего класса Среднего Запада США вместо того, чтобы заканчиваться, когда один из участников был повержен на землю, приобретали новый виток жизни, а принцип «Мальчишки есть мальчишки» доминировал над архаичным страхом нанести ущерб противнику сверх дозволенного... каждый враг должен быть повержен; каждая обида, даже самая незначительная, должна вести к полному уничтожению.*

И далее: “They felt at once profoundly numb and profoundly ecstatic to be young and inflicting optional damage on each other... there was a second-order thrill in knowing you could kick someone in the chest without emotion.

To have violent conflict without competing notions of the good, a kind of surplus. To have something to do on the weekends” (Lerner, 2019, с. 121). / Они [подростки] чувствовали одновременно оцепенение и восторг от того, что молоды и могут нанести друг другу вред... мысль о том, что можно бесстрастно пинать кого-то в грудь, вызывала некоторый трепет. Серьезно подраться вовсе не за благие идеи, а так, заодно. Чтобы было чем заняться на выходных.

После драки подростки отвозят Даррена, который представлен в романе аутсайдером, противопоставленным успешным подросткам школы Топека, за город и бросают там, цинично называя это психиатрическим термином “milieu therapy” (терапия среды) (Lerner, 2019, с. 118).

В качестве апогея неоправданной жестокости американских подростков автор косвенно упоминает массовое убийство в школе Колумбайн, организованное двумя учениками в 1999 году. И здесь, по его мнению, ответственность лежит на американском правительстве и американском законодательстве о легализации оружия (Lerner, 2019, с. 142).

Таким образом, тема жестокости и токсичной маскулинности является одним из доминирующих аспектов повествования. Она периодически всплывает в более или менее значимых эпизодах романа, самостоятельно либо в совокупности с другими темами.

Другой не менее важный аспект парадигмы американского общественного устройства, которому уделено большое внимание в романе, – искусство публичной риторики (“public speaking”). Б. Лернер реализует его в романе через персонажа Адама Гордона.

Адам в романе позиционируется как интеллеktуал, представитель белых подростков, который последователен в своем мышлении и речи, преуспевает в учебе и нацелен на победу в конкурсе дебатов. По этой причине теме языка, искусству построения речи и аргументации уделяется в романе большое внимание. Такая техника риторики, как “spread” (растянутый дискурс), призвана не только убедить вербального противника, но и сокрушить его, закидать аргументами с такой скоростью, чтобы тот не успел опомниться. Адама «натаскивает» Питер Эвансон – победитель предыдущих дебатов. При этом он описывается мастером того, что принято называть «троллингом», что несколько настораживает в одном контексте с понятиями «риторика», «ораторское искусство». На репетициях Эвансон объясняет Адаму, по какому принципу нужно выстраивать риторику на весьма серьезные и непростые темы, например такие как действия американского правительства в вопросах внутренней и внешней политики.

Эвансон, познавший секрет успеха ораторского красноречия, инструктирует Адама не только на предмет построения «речевой битвы», но и показывает ему, как держать корпус тела и как жестикулировать, замедлять и ускорять речь: “I want quick swerves into the folksy. «You can put lipstick on a pig, but it’s still a pig.» That kind of thing. I want you saying, right after some hyper-eloquent riff about Yeltsin breaking a promise, «Now, in Kansas, we call that a lie.» <...> I don’t care if they’re not real sayings, just deliver them like they’re tried-and-true. <...> You can go agrammatical so long as they know it’s a choice, that it’s in quotes. <...> Deliver little tautologies like they’re proverbs. <...> You can be too general to be disprovable” (Lerner, 2019, с. 192). / *Делай быстрые переходы на народные поговорки. «Как свинью не разукрась, она все равно свинья». Ну, или что-то в этом роде. После того, как красноречиво пройдешься по нарушению обещания Ельциным, скажи: «Мы в Канзасе называем это ложью». <...> Не важно, если эти поговорки ненастоящие, просто произноси их, как будто они известны и проверены временем. <...> Можешь допускать грамматические ошибки, если они есть в этих высказываниях. <...> Допускай небольшую тавтологию, если она звучит как поговорка. <...> Можешь формулировать слишком общо, чтобы тебя не смогли опровергнуть.*

Изначально Адам очень чувствителен к поэтическому стилю, для него поэзия – особый шарм языка. Чтобы преуспеть в политических дебатах (policy debate) или судебных (forensics), ему приходится постоянно проигрывать варианты аргументации в голове, подобно Тупаку Шакуру (культовый американский рэпер 90-х гг. – О. Б.). «Высшим пилотажем» является импровизированный дискурс при минимальной подготовке на одну из злободневных тем.

Описывая философию дебатов, Лернер пишет: “One learned to stud a speech with sources the way a politician reaches for statistics – to provide the effect of authority more than to illuminate an issue or settle a point of fact” (Lerner, 2019, с. 136). / *Нужно было научиться наводнять речь источниками, как это для статистики делают политики – скорее, для того, чтобы создать эффект убедительности, а не осветить проблему или установить факт.*

Для характеристики публичных выступлений/дебатов в целом можно также отметить и такой семантический ряд автора, как “language games” (языковые игры), “linguistic martial art” (лингвистическое боевое искусство), “linguistic overkill” (вербальное уничтожение), “verbal combat” (словесная битва), а для публичного дискурса Д. Трампа – “frenetic Trumpian rhetoric” (неистовая риторика Трампа) (Lerner, 2019, с. 143, 204, 207, 136). Отношение Б. Лернера к риторике правого популиста Трампа, а также политика Сары Пэйлин прослеживается в речи Джейн Гордон: “...my speech started breaking down... became a litany of non sequiturs, like how... I guess what Palin or Trump sound like, delivering nonsense as if it made sense... my speech was accelerating as if I were chasing after meaning as it receded...” (Lerner, 2019, с. 33). / *...моя речь начала обрываться... стала бессвязным набором слов, как... полагаю у Пэйлин или Трампа, когда они несут чушь, в которой якобы есть смысл... моя речь ускорялась, будто догоняя смысл, который она утратила...*

Таким образом, акцент на важности риторики в романе призван подчеркнуть неистовый популизм правящих кругов, в частности администрации Трампа, его несостоятельность и крах. Язык утратил свою функцию инструмента для коммуникации.

В несколько меньшей степени в романе можно проследить и другие составляющие парадигмы американского общества. Так, тема сексизма находит отражения в эпизодах с Джейн Гордон. За свою ученую степень она получает ироничное прозвище “the Brain” (Мозг). Её книга о взаимоотношениях мужчин и женщин была отмечена в газете “Times”, но сама Джейн говорит, что если бы автором книги был кто-то из ее мужчин-коллег, то труд непременно бы сочли выдающимся, а написанный женщиной, он рассматривается не более, чем как образец несерьезной психологической литературы для женщин. Кроме того, она отмечает, что в почтовых отправлениях к мужчинам-коллегам обращаются “Doctor”, а к женщинам – по имени. Более того, на женщин, претендующих на равноправие с мужчинами, вешается ярлык “virago” («бой-баба») (Lerner, 2019, с. 105) или еще более нецензурное словосочетание, которое, так же как и “man-child”, покрывает целый класс общества (Lerner, 2019, с. 76, 100, 105, 198).

Тема гендерных свобод и отношения к ним церкви также идут в романе вторым порядком. В повествовании упоминается однополая свадьба в известном сериале «Друзья», что в 1996 году было малоожидаемым в СМИ и, как следствие, вызвало наложение цензуры. Малоэффективное негодование баптистской церкви против гомосексуализма выражено и в фигуре священника Фелпса, который, по словам автора, счел своей духовной миссией полностью искоренить гомосексуализм на планете. Его противостояние выражается в отправке оскорбительных факсов Джейн как работнику учреждения, не признавшего вреда гомосексуализма, и организации пикетов возле ратуши, где он осуждает политиков-гомофобов за их недостаточную гомофобию. В итоге жители Топики ненавидят Фелпса и его гомофобную кампанию.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

Парадигма американского общества, описанная в рассматриваемом нами романе, изданном всего 3 года назад, передана относительно полно. Вероятно, что от штата к штату она может менять степень проявления в зависимости от популяции, законодательных норм каждого штата и иных внутренних особенностей. Основные, довольно устойчивые проявления американской идеологии, такие как американская исключительность, сексизм, токсичная маскулинность и популизм элит, находят подтверждение в произведении. Расизм же в романе изображен в своем традиционном проявлении, до того как апогеем борьбы с ним явилось движение “Black Lives Matter”. Что касается гендерных свобод, то в романе они представлены весьма «невинно» и показана пока еще непримиримость с ними в сравнении со стремительными метаморфозами маскулинности и гендерности, а также их нарастающей пропагандой, которые можно наблюдать сейчас в США и странах Европы. Необходимо отметить, что эти метаморфозы, влекущие за собой неизменный сдвиг ценностей, а также изменение мироустройства под воздействием геополитических и экономических факторов, способны привести к сдвигу парадигмы американского общества либо к ее полной трансформации. Таким образом, парадигма, навязываемая обществу в течение длительного времени, способна в короткие сроки оказаться под сомнением, потребовать пересмотра или полностью изжить себя, либо, наоборот, – под воздействием ряда факторов общество может укрепиться в правильности своей устоявшейся парадигмы и активно ее отстаивать.

Перспективы дальнейшего исследования будут основаны на сравнительном анализе образа Америки, представленного в романе «Школа Топика» и в более поздних произведениях Б. Лернера, с выявлением статистики или динамики современной парадигмы американского общественного устройства.

Источники | References

1. Болотова О. Б. Языковые реалии и аллюзии в романе Б. Лернера «Школа Топика» // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур: мат. IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Оренбург, 26-27 мая 2021 г.). Оренбург: ОГПУ, 2021.
2. Грачева А. Д. Лексические средства, служащие для описания атрибутов токсичной маскулинности в языке англоязычных Youtube-каналов // Язык текущего момента: мат. III Междунар. студ. науч.-практ. конф. (г. Москва, 20 апреля 2020 г.). М.: Книгодел, 2020.
3. Емельянов Г. Н. Американская исключительность - мнения политологов. 2013. URL: https://www.1tv.ru/news/2013-10-09/59694-amerikanskaya_isklyuchitelnost_mneniya_politologov?ysclid=l66952mzcc254655990
4. Зукерман М. Введение к парадоксам американской исключительности // Американский ежегодник - 1995 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М.: Наука, 1996.
5. Крючкова Е. В. Формирование предпосылок возникновения идей Нью Эйдж в американском обществе XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6-2 (12).
6. Кун Т. Структура научных революций: сб. / пер. с англ. М.: АСТ, 2003.
7. Петречук А. И. Американская мечта и американская исключительность. От истоков до современности // Архонт. 2017. № 3 (3).
8. Сиразетдинова М. Ф. Токсичная маскулинность в современной культуре // Приоритетные направления развития науки и технологий: сб. науч. тр. по мат. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 30 декабря 2021 г.). М.: ИП Туголуков Александр Валерьевич, 2021.

9. Спото Р. Н. Проблема определения американских культурных парадигм: на примере эссе Дж. Стейнбека «Америка и американцы» // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е «Педагогические науки». 2016. № 7.
10. Халилов В. М. Трансформация маскулинности в современном американском кино // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № 3.
11. Хлопов О. А. Неоконсервативная и неолиберальная парадигмы международных отношений о глобальном лидерстве США // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 11.
12. Ходкевич М. К. Токсичная маскулинность в рекламе // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2019. № 31.
13. Lerner V. *The Topeka School: A Novel*. 1st ed. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2019.

Информация об авторах | Author information

Болотова Ольга Борисовна¹

¹ Оренбургский государственный педагогический университет

Bolotova Olga Borisovna¹

¹ Orenburg State Pedagogical University

¹ bolotovaolga2008@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.07.2022; опубликовано (published): 31.08.2022.

Ключевые слова (keywords): Б. Лернер; парадигма американского общества; расизм; популизм; сексизм; B. Lerner; American society paradigm; racism; demagogu; sexism.